

Комплексная охрана границ как потенциальная мера сдерживания на северо-восточном фланге НАТО и Шенгенской зоны

Райтис Тиликс

Латвийский университет, Рига, <https://www.lu.lv/en/>

Аннотация: Исходя из всё более сложного характера нелинейной войны и постепенного изменения подхода Европы к безопасности, статья призывает к выработке комплексной концепции сдерживания для Европейского Союза. Учитывая рост агрессивности в так называемой «серой зоне», в статье отмечена необходимость для Европейского Союза сформулировать внутреннюю концепцию сдерживания на основе предотвращения. Хотя в последних политических заявлениях на уровне ЕС признаётся такая необходимость, им по-прежнему не хватает стратегической и оперативной ясности. В качестве иллюстрации в статье рассмотрена применимость концепции комплексной охраны границ ЕС поколения 3+ 2019 года к комплексному сдерживанию, особенно на северо-восточных внешних границах, которые также служат суверенными границами ряда стран НАТО. В статье анализируется взаимодействие и очерчены потенциальные пути сближения военного сдерживания и сдерживания на основе «мягкой силы» ЕС. В заключение в статье предлагается разработать особую стратегию сдерживания ЕС, выходящую за рамки логики «самосдерживания». Предложенный подход ставит во главу угла солидарность, образ мышления и стойкость общества как основные компоненты безопасности общего северо-восточного фланга ЕС и НАТО – критически важной границы между разными системами ценностей.

Ключевые слова: нелинейная война, комплексное сдерживание, комплексная охрана границ ЕС, принцип солидарности.

Вступление

Исторические параллели между репрессивными режимами Иосифа Джугашвили (Сталина) и Владимира Путина, с их войнами и преступлениями, очевидны. Эти закономерности целиком вписываются в наблюдение Карла Маркса XIX века: «Гегель где-то заметил, что все великие мировые исторические факты и личности появляются, так сказать, дважды. Он забыл добавить: в первый раз – как трагедия, во второй раз – как фарс».¹ Сдерживание служит одним из механизмов недопущения как трагедий, так и фарсов.

В данном доктринальном исследовании обоснована необходимость создания в ЕС надёжной и чёткой концепции сдерживания для противодействия нелинейной войне. В исследовании рассмотрены два вопроса: (1) Что представляет собой нынешняя невоенная стратегия сдерживания ЕС? и (2) Как Европейский Союз может усилить свой потенциал «мягкого» сдерживания? Автор утверждает, что система комплексной охраны границ ЕС (EU Integrated Border Management, EUIBM) дополняет комплексное сдерживание. В свете вторжения России в Украину, начатого в феврале 2014 года,² автор полагает, что система EUBM может служить одним из механизмов сдерживания двойного назначения, при условии эффективной реализации основного принципа солидарности ЕС.

Термин «нелинейная война»³ в данной статье соответствует общим теоретическим представлениям о гибридной войне.

В первом разделе изложена нынешняя стратегия сдерживания ЕС. Показаны пробелы в подходах, не позволяющие чётко описать стратегическое сдерживание ЕС. Во втором разделе рассмотрена Шенгенская зона и система EUIBM, на которые всё больше давит динамика нелинейной войны. В третьем разделе представлены предложения и видение комплексного сдерживания ЕС, с акцентом на мышлении и когнитивных процессах.

Понимание комплексного сдерживания ЕС

В этом разделе рассмотрен первый принципиальный вопрос: каков нынешний подход ЕС к невоенному сдерживанию?

¹ Karl Marx, *Achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte*, 3. Auflage (Hamburg: O. Meissner, 1885), <https://catalog.hathitrust.org/Record/006032885>.

² Автор считает, что неспровоцированная и неоправданная военная агрессия России против Украины, которой предшествовала нелинейная война сразу по нескольким направлениям, началась в феврале 2014, а не в феврале 2022 года.

³ David Petraeus, Andrew Roberts, *Conflict: The Evolution of Warfare from 1945 to Ukraine* (London: Harper Collins Publishers, 2023), 408-411; Mark Galeotti, *The Weaponisation of Everything: A Field Guide to the New Way of War* (Yale University Press, 2022), 9-12; Jānis Bērziņš, “Russian New Generation Warfare Is Not Hybrid Warfare”, в *The War in Ukraine: Lessons for Europe*, ed. Artis Pabriks, Andis Kudors (Riga: University of Latvia Press, The Centre for East European Policy Studies, 2015): 40-51, <https://apcc.lv/en/petijumi/the-war-in-ukraine-lessons-for-europe/>.

Сдерживание в ЕС: куда движемся?

Европейский Союз – уникальное образование с наднациональными органами управления и множеством юрисдикций, функционирующее одновременно на уровне ЕС и отдельных стран-участниц. Возникший в 1950-х годах на экономическом и политическом фундаменте, Европейский Союз постепенно приобрёл заметную мощь и потенциал. Геополитическое влияние ЕС⁴ проявляется в экономической, политической, гуманитарной и технологической сферах. В военной сфере и в области сдерживания Евросоюз и его страны-участницы в период «Рух Americana» преимущественно опирались на концепции НАТО. Учитывая отличие НАТО от ЕС, появление новых, нелнейных методов ведения войны потребовало выработки особой стратегической концепции комплексного сдерживания.

Невоенное сдерживание на уровне ЕС в последние 10 лет определялось нечётко. Совместная рамочная программа 2016 года по противодействию гибридным угрозам в основном строилась на стратегии самосдерживания на основе реагирования и абсорбции, с акцентом на выдержку и реагирование, а не предотвращение.⁵ Это упущение указывает на проблемы с реализацией потенциала комплексного сдерживания ЕС. В частности, определение стойкости в пункте 4 Совместной рамочной программы 2016 года свидетельствует о недостатке политической воли, описывая стойкость, как способность противостоять давлению и восстанавливаться, укрепляясь под воздействием вызовов. Следует признать, что два года спустя, в Сообщении 2018 года о стойкости и возможностях противодействия гибридным угрозам, усиление сдерживания было названо ключевой целью стратегического подхода к повышению кибербезопасности,⁶ но ограниченной продолжительности и масштаба. В 2022 году, в ответ на гибридные угрозы, Совет ЕС рассмотрел возможность применения всего спектра имеющихся инстру-

⁴ Veronica Anghel, "Why the EU Is a Geopolitical Power: Wartime Enlargement, Integration, and Reform," *Journal of European Public Policy* 32, no. 12 (2025): 2862-2885, <https://doi.org/10.1080/13501763.2025.2558974>; Milada Anna Vachudova, Nadiia Koval, "Ukraine's Challenge to Europe: The EU as an Ethical and Powerful Geopolitical Actor," *Ethics & International Affairs* 38, no. 3 (2024): 308-332, <https://doi.org/10.1017/S0892679424000364>.

⁵ European Commission, High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy, "Joint Framework on Countering Hybrid Threats: A European Union Response," Joint Communication to the European Parliament and the Council, JOIN (2016) 18 final, April 6, 2016, Brussels, <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52016JC0018>. Для сравнения см. Eitvydas Bajarūnas, "Addressing Hybrid Threats: Priorities for the EU in 2020 and Beyond," *European View* 19, no. 1 (2020): 62-70, <https://doi.org/10.1177/1781685820912041>.

⁶ European Commission, "Increasing Resilience and Bolstering Capabilities to Address Hybrid Threats," Joint Communication to the European Parliament, the European Council and the Council, JOIN(2018) 16 final, June 13, 2018., Brussels, 8, <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52018JC0016>.

ментов, включая санкции, для сдерживания враждебных действий России.⁷ Примерно в то же время стойкость и сдерживание стали приоритетами Стратегического компаса ЕС⁸ на 2022 год, но только в киберпространстве. Результативность этих шагов в отдельных сферах остаётся неясной.

От теории сдерживания к стратегии ЕС

Исходя из вышесказанного, стоит кратко рассмотреть теорию сдерживания. В основополагающей работе 1977 года «Сдерживание: концептуальный анализ» Патрик Морган⁹ отметил необходимость различать теорию и стратегию сдерживания, а также «общее сдерживание» и «немедленное сдерживание». Согласно исследованию Моргана 1998 года,¹⁰ стратегия сдерживания означает конкретный подход к военной мощи, угрозам и способам информирования о них государством в целях сдерживания, в то время как теория сдерживания касается основополагающих принципов, на которых базируется любая стратегия. Игнорирование этого факта часто является причиной ошибочного утверждения о существовании множества теорий сдерживания. Морган утверждает, что существуют разные стратегии, но не теории. Стратегии различаются реализацией ключевых концепций и принципов теории.

В 2010 году Амир Луповичи,¹¹ изучив теоретические и эмпирические тенденции исследований сдерживания, показал преимущества интеграции этих подходов. Дэн Кокс, Томас Брускино и Алекс Райан утверждали, что в военном контексте гибридная война представляет собой скорее набор тактических приемов, чем целостную стратегию, и может быть более точно описана как «взаимодополняющие тенденции в тактике».¹² В 2016 году Юха

⁷ Council of the European Union, “Council Conclusions on a Framework for a Coordinated EU Response to Hybrid Campaigns,” Press Release, June 21, 2022, www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/06/21/council-conclusions-on-a-framework-for-a-coordinated-eu-response-to-hybrid-campaigns/.

⁸ Council of the European Union, “A Strategic Compass for Security and Defence: For a European Union That Protects Its Citizens, Values and Interests and Contributes to International Peace and Security,” Doc. No. 7371/22, March 21, 2022, <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-7371-2022-INIT/en/pdf>.

⁹ Patrick M. Morgan, *Deterrence: A Conceptual Analysis*, Sage Library of Social Research Vol. 40 (Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1977), 25.

¹⁰ Patrick M. Morgan, *Deterrence Now* (Cambridge University Press, 2003), 8. Для сравнения см. краткое изложение основных понятий и принципов в Michael J. Mazarr, “Understanding Deterrence,” Expert Insight, No. PE-295-RC (Santa Monica: RAND, 2018), <https://doi.org/10.7249/PE295>.

¹¹ Amir Lupovici, “The Emerging Fourth Wave of Deterrence Theory – Toward a New Research Agenda,” *International Studies Quarterly* 54, no. 3 (2010): 705-732, <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2010.00606.x>.

¹² Dan G. Cox, Thomas Bruscino, Alex Ryan, “Why Hybrid Warfare Is Tactics Not Strategy: A Rejoinder to ‘Future Threats and Strategic Thinking’,” *Military Strategy Magazine* 2, no. 2 (2012): 25-29, <https://doi.org/10.64148/msm.v2i2.5>.

Вуори¹³ анализировал сдерживание сквозь призму теории речевых актов (иллокутивные и перлокутивные речевые акты).

Научный анализ подтверждает мнение о том, что в контексте нелинейной войны общая комплексная стратегия сдерживания ЕС должна основываться прежде всего на исследованиях, а затем – на разработке политики, основанной на реальных фактах. Евросоюз уже более десяти лет продвигает идеи «готовности» и «стойкости». Эти шаги представляются скорее амбициозными принципами, чем чёткими стратегиями, а готовность стран ЕС извлекать стратегические уроки и укреплять стойкость существенно варьируется, от минимальной до высокой.

Страны ЕС и НАТО не могут развиваться без надёжного сдерживания.¹⁴ Более того, противодействие угрозам Китая требует разработки комплексных невоенных мер сдерживания – проблема Тайваня очевидна.¹⁵ В этой связи уместно вспомнить слова Тажи Пола 2009 года:

С началом XXI века процесс сдерживания усложнился из-за изменений сразу нескольких аспектов международной системы: возросла роль многонациональных и негосударственных субъектов; изменился баланс сил (США обладают значительным военным превосходством над всеми другими государствами в системе, но эту систему нельзя назвать однополярной); изменились силовые отношения (они эволюционируют, хотя великие державы находятся в состоянии относительного мира), а также цели, идеалы и проблемы (асимметричные игроки стремятся изменить региональный или международный статус-кво). Сдерживание более эффективно, когда эти элементы ясны, а их неопределённость усложняет отношения сдерживания, в теории и в политике.¹⁶

Но, как отметил Павел Бернат с коллегами, реакция стран Запада на вторжение России в Украину в 2014 году в плане санкций против агрессора и военной помощи Украине не смогла сдержать дальнейшую российскую

¹³ Juha A. Vuori, "Deterring Things With Words: Deterrence as a Speech Act," *New Perspectives* 24, no. 2 (2016): 23-50, <https://doi.org/10.1177/2336825X1602400203>.

¹⁴ "Ukraine and Beyond: Shaping Europe's Security Future," International Crisis Group, Europe Report No. 272, February 1, 2025, 33, https://www.crisisgroup.org/sites/default/files/2025-02/272-europe-security-future_1.pdf.

¹⁵ Peter Harris, Jared M. McKinney, "Strategic Clarity or Calamity? Competing Logics of Deterrence in the Taiwan Strait," *International Affairs* 100, no. 3 (2024): 1171-1187, <https://doi.org/10.1093/ia/iaae071>; Ties Dams, "Taiwan and a European Doctrine of Deterrence: A Matter of Time," Clingendael Institute, March 21, 2024, www.clingendael.org/publication/taiwan-and-european-doctrine-deterrence; Thorsten Benner, "Why Germany Needs to Invest More to Preserve the Status Quo in the Taiwan Strait," *Internationale Politik Quarterly*, March 16, 2022, <https://ip-quarterly.com/en/why-germany-needs-invest-more-preserve-status-quo-taiwan-strait>.

¹⁶ Thazha V. Paul, "Complex Deterrence: An Introduction," в *Complex Deterrence: Strategy in the Global Age*, ed. Thazha V. Paul, Patrick M. Morgan, James J. Wirtz (Chicago: University of Chicago Press, 2009), 8, <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226650043.001.0001>.

агрессию.¹⁷ Кир Джайлз тоже отмечал, что «меры сдерживания ЕС в отношении России потерпели неудачу».¹⁸ То же самое касается и США. В более широком смысле возникает вопрос: удалось ли либеральной демократии распространить свое экономическое и политическое влияние? Ответ: пока что – не очень. Российский и белорусский режимы унаследовали опыт политических войн СССР и чувствуют себя комфортно, продолжая ложные нарративы и политические манипуляции. Например, в 1970-х годах, когда была особенно актуальна теория расширенного сдерживания, действия Советского Союза описывали такими словами:

Анализ исторических данных позволяет предположить, что степень агрессивности Советского Союза зависит не только от стратегического баланса, но и от избранных политических стратегий, опыта конкретных неудач, стиля и характера отдельных лидеров, а также от стремления Советского Союза к политической войне.¹⁹

Объективно говоря, февраль 2014 года стал ещё одним звончком, а февраль 2022 года – переломным моментом, *Zeitenwende*, в европейской истории. Отказ же США от почти 80-летней политики «Рак Americana» в 2024-2025 гг. привёл к решительному повороту в стратегическом мышлении ЕС. Стратегия национальной безопасности США от ноября 2025 года²⁰ подчеркнула полярные стратегические позиции, включая утверждение о том, что «сила — лучший сдерживающий фактор», критику Европы и заявление, что неуверенность в себе больше всего проявилась в отношениях Европы с Россией. Подобная критика может быть нацелена и на европейскую политику сдерживания в разных сферах, или, скорее, на её отсутствие.

¹⁷ Pawel Bernat, Viacheslav Semenenko, Pavlo Openko, Daniel Michalski, "Russian Proxy Use in the Hybrid War against Ukraine before the 2022 Invasion", в *Proxy Wars from a Global Perspective: Non-State Actors and Armed Conflicts*, ed. Pawel Bernat, Cüneyt Güner, Cyprian Aleksander Kozera (New York, NY: Bloomsbury Academic, 2025): 61-76; Antulio J. Echevarria II, "Deterring War without Threatening War: Rehabilitating the West's Risk-averse Approach to Deterrence," *Military Strategy Magazine* 9, no. 2 (2024): 4-11, <https://doi.org/10.64148/msm.v9i2.1>.

¹⁸ Keir Giles, *Russia's War on Everybody: And What It Means for You* (London: Bloomsbury Publishing, 2024): 221-222. См. также Jonas J. Driedger, "Did Germany Contribute to Deterrence Failure against Russia in Early 2022?" *Central European Journal of International and Security Studies* 16, no. 3 (2022): 152-171, <https://doi.org/10.51870/TLXC9266>.

¹⁹ Herbert Goldhamer, "The Soviet Union in a Period of Strategic Parity," RAND Report R-889-PR (Santa Monica, CA: RAND Corporation, 1971), <https://www.rand.org/pubs/reports/R0889.html>.

²⁰ "National Security Strategy of the United States of America," The White House, November 2025, <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf>.

Что касается наращивания европейского потенциала, то в широко цитируемом докладе Саули Ниинистё (2024)²¹ рассмотрены исторические основы теории общего сдерживания: сдерживание путём воспрещения и сдерживание путём возмездия. Доклад подтверждает, что сдерживание является неотъемлемым элементом безопасности, стойкости и готовности ЕС, и призывает страны-участницы отнестись к нему со всей серьёзностью.

В докладе кратко описано требуемое стратегическое мышление. О комплексной готовности в докладе Ниинистё сказано, что сдерживание не является традиционной задачей Европейского Союза в сфере обеспечения безопасности, но в условиях постоянно меняющихся угроз ситуация должна измениться. Европейский Союз должен максимально затруднить достижение любых намеченных такими шантажистами целей.²² В докладе Ниинистё подчёркивается, что существует целый ряд мер реагирования на гибридную деятельность в дипломатической, информационной, разведывательной, экономической, финансовой и правовой сферах.²³

Первые шаги

В глубоком анализе 1968 года европейской безопасности в переходный период Пьер Аснер отмечал, что ощущение перемен возникает из-за того, что европейцы видят упадок старого, а не из-за страха или надежды на появление нового.²⁴ Сейчас, когда Европа переживает очередной поворотный момент, принятие новых подходов, как правило, сопровождается переходом от устоявшихся представлений к новым реалиям. Поэтому эволюцию сдерживания в ЕС не следует рассматривать как непреодолимую задачу, а скорее как движение вперёд в ответ на нынешние и будущие потребности безопасности.

Чтобы понять основные принципы, лежащие в основе стратегического мышления ЕС, стоит рассмотреть основные тезисы Европейской комиссии, изложенные в её Политических рекомендациях 2014 года. Сравнительный анализ, количественно измеренный по отношению к последним Политическим рекомендациям, даёт следующие данные о частоте употребления некоторых слов.

Политические рекомендации Еврокомиссии на 2024-2029 гг. содержат короткую констатацию: «Мы также должны работать над комплексным

²¹ Sauli Niinistö, *Safer Together: Strengthening Europe's Civilian and Military Preparedness and Readiness*, European Commission, October 30, 2024, https://commission.europa.eu/topics/defence/safer-together-path-towards-fully-prepared-union_en.

²² Niinistö, *Safer Together: Strengthening Europe's Civilian and Military Preparedness and Readiness*, 10.

²³ Niinistö, *Safer Together: Strengthening Europe's Civilian and Military Preparedness and Readiness*, 109.

²⁴ Pierre Hassner, "The Changing Context of European Security," *Journal of Common Market Studies* 7, no. 1 (1968): 1-21, <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.1968.tb00205.x>.

Таблица 1. Частота некоторых слов в Политических рекомендациях ЕС

	«оборона»	«сдерживание»	«готовность»	«стойкость» / «стойкий»	«безопасность»
2014-2019	9	0	0	2	4
2019-2024	4	0	0	3	12
2024-2029	30	1	11	31	47

Источник: веб-страница Еврокомиссии

сдерживанием».²⁵ Рекомендации не определяют и не детализируют «комплексное сдерживание». Поэтому во избежание двусмысленности требуется дальнейший анализ «стойкости», «готовности» и подхода «всего общества». Примечательно, что первая в истории Германии Национальная стратегия безопасности (2023 г.) названа «Прочная. Стойкая. Экологически чистая: Комплексная безопасность для Германии»,²⁶ что отражает концептуальный сдвиг в сторону комплексного подхода.

В Стратегии готовности ЕС 2025 года признано, что ЕС по-прежнему урегулирует кризисы, в основном реагируя на них. Этот документ всячески акцентирует на понятиях «стойкости» и «готовности», а также излагает первоначальное видение развития сдерживания в ЕС на основе сотрудничества гражданских и военных.²⁷ Кроме того, едва ли не впервые в истории ЕС сделан конкретный шаг к комплексному сдерживанию. Мероприятие №7 тематического раздела «Прогнозирование и предвидение» предписывает разработку индивидуальных стратегий сдерживания с ориентировочным сроком реализации в 2025 году:

7. При необходимости, разработать специальные стратегии сдерживания угроз для предотвращения, сдерживания и реагирования на действия конкретных злоумышленников, угрожающих ЕС гибридными действиями.²⁸

Жизнеспособность этой новой инициативы ещё предстоит оценить. То же самое касается и Стратегического прогноза на 2025 год (Стойкость 2.0),²⁹

²⁵ Ursula von der Leyen, “Europe’s Choice: Political Guidelines for the Next European Commission 2024-2029,” European Commission, July 18, 2024, Strasbourg, 15, https://commission.europa.eu/document/download/e6cd4328-673c-4e7a-8683-f63ffb2cf648_en.

²⁶ “Robust. Resilient. Sustainable: Integrated Security for Germany – National Security Strategy,” The Federal Government of Germany, June 2023, www.nationalesicherheitsstrategie.de/National-Security-Strategy-EN.pdf.

²⁷ European Commission, “EU Preparedness Union Strategy to Prevent and React to Emerging Threats and Crises,” JOIN(2025) 130 final (with Annex), March 16, 2025, Brussels, https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_25_856.

²⁸ European Commission, “EU Preparedness Union Strategy to Prevent and React to Emerging Threats and Crises,” Action no. 7 (Annex).

²⁹ European Commission, “2025 Strategic Foresight Report – Resilience 2.0: Empowering

в котором признана неэффективность прежней политики реагирования. В отличие от доклада 2020 года, в концепции 2025 года принят упреждающий перспективный подход. Для укрепления внутренней и внешней безопасности ЕС была предложена концепция «Стойкость 2.0» (2025) как технологически передовой, упреждающий подход, объединяющий усилия гражданских и военных для сдерживания противников в полном соответствии с ценностями ЕС и международным правом. Среди прочих приоритетов, необходимо укрепить существующие возможности прогнозирования при охране границ, а потребности безопасности нужно обеспечивать на основе комплексного территориального подхода.

Тем временем Финляндия практикует прагматичный эмпирический подход. В пятой с 2003 года версии Стратегии безопасности общества, принятой 16 января 2025 года,³⁰ финское правительство вводит комплексную модель безопасности, включающую концепцию «стойкости общества».³¹ Эта концепция включает отношение, осведомлённость и способность действовать сообща. В частности, она предполагает стойкое население, принимающее ценности ЕС и своей страны, способное видеть нарративы, характерные для нелинейной войны, и противодействовать им. Шведская модель психологической защиты, разработанная Шведским агентством психологической защиты,³² тоже заслуживает рассмотрения на уровне ЕС.

Как отметили Питер Робертс и Эндрю Харди в 2015 году, существуют различные модели экономического, дипломатического и правового сдерживания. Современные стратегии сдерживания должны быть детализированы и адаптированы для конкретных врагов, соперников и геополитических обстоятельств. Правовые модели сдерживания могут быть адаптированы к

the EU to Thrive Amid Turbulence and Uncertainty,” Communication from the Commission to the European Parliament and the Council COM (2025) 484 final, September 9, 2025, https://commission.europa.eu/publications/strategic-foresight-report-2025_en.

³⁰ Finnish Government, “Security Strategy for Society: Government Resolution,” Security Committee, Ministry of Defence, January 16, 2025, 3, <http://urn.fi/URN:ISBN:978-952-383-817-8>; Charly Salenius-Pasternak, “Finland’s Ambiguous Deterrence: Mixing Deterrence by Denial with Ambiguous Extended Deterrence”, в *Deterring Russia in Europe: Defence Strategies for Neighbouring States*, ed. Nora Vanaga, Toms Rostoks (Routledge, 2018): 110-127.

³¹ Olga Reznikova, Oleksandr Korniiievskiy, “Resilience of the Ukrainian Society in Wartime: Components and Influencing Factors,” *Eastern Journal of European Studies* 15, no. 1 (2024): 113-133, <https://doi.org/10.47743/ejes-2024-0105>; Sandra Kalniete and Tomass Pildegovičs, “Strengthening the EU’s Resilience to Hybrid Threats,” *European View* 20, no. 1 (2021): 23-33, <https://doi.org/10.1177/178168582111004648>.

³² Björn Palmertz, Mikael Weissmann, Niklas Nilsson, Johan Engvall, “Building Resilience and Psychological Defence: An analytical framework for countering hybrid threats and foreign influence and interference,” Working Paper (Psychological Defence Research Institute, Lund University, 2024); James Pamment, Elsa Isaksson, “Psychological Defence: Concepts and principles for the 2020s,” *MPF Report Series 6* (Psychological Defence Research Institute, Lund University, 2024), <https://mpf.se/psychological-defence-agency/publications>.

стратегической ситуации.³³ Таким образом, преобладающий подход должен предполагать комплексное сдерживание политическими (дипломатическими), экономическими, информационными и правовыми средствами, то есть в тех областях, в которых Европейский Союз имеет серьёзное влияние.

Внешние границы ЕС как рубежи сдерживания

Имеет смысл рассмотреть внешние границы Шенгенской зоны и границы НАТО на северо-востоке как практический контекст для потенциально более широкого применения комплексного сдерживания ЕС.

Концепция комплексной охраны границ ЕС

Одно из направлений нелинейной войны – использование некинетических средств для подрыва ценностей ЕС, в частности, атакуя Шенгенскую зону свободного передвижения. Эта зона представляет собой важное политическое и экономическое достижение европейской интеграции, дающее существенные выгоды в разных областях. Её уязвимость к нелинейной войне влечёт частные и общие стратегические риски, что делает её важной целью для противников.

Шенгенское соглашение 1985 года заложило основы постепенной отмены внутреннего пограничного контроля внутри Европейских сообществ, а Шенгенская конвенция 1990 года определила практические меры по созданию зоны без границ. Впоследствии правила Шенгенской зоны стали неотъемлемой частью права ЕС.

Наряду с вышеупомянутыми событиями, шла концептуальная разработка системы комплексной охраны границ ЕС (EUIBM) для защиты Шенгенской зоны. Европейский совет в Тампере в 1999 году согласился с необходимостью постоянного контроля внешних границ.³⁴ Затем Европейский совет в Лакене в 2001 году подтвердил, что Европа является континентом солидарности, и подчеркнул, что более эффективный контроль внешних границ ЕС поможет борьбе с терроризмом, нелегальной миграцией и торговлей людьми.³⁵ В тот период политический дискурс и рекомендации экспертов развивались в направлении принятия взаимоприемлемой концепции EUIBM.

Более чем через десять лет после Шенгенской конвенции 1990 года была согласована четырёхступенчатая европейская модель контроля доступа в

³³ Peter Roberts, Andrew Hardie, "The Validity of Deterrence in the Twenty-First Century," Occasional Paper, Royal United Services Institute, August 2015, https://static.rusi.org/201508_op_the_validity_of_deterrence.pdf.

³⁴ "Tampere European Council 15 and 16 October 1999 Presidency Conclusions," European Parliament, https://www.europarl.europa.eu/summits/tam_en.htm.

³⁵ "Presidency Conclusions: European Council meeting in Laeken, 14 and 15 December 2001," Point 42, <https://www.consilium.europa.eu/media/20950/68827.pdf>.

качестве базовой концепции EUIBM. Эта необязательная рамочная концепция была закреплена в первом Шенгенском каталоге внешних границ в 2002 году.³⁶ С тех пор, несмотря на ряд трудностей, четырёхступенчатая модель контроля доступа в ЕС продолжает работать, демонстрируя зрелость и неизменную актуальность.

В 2002-2006 гг. концепция EUIBM была доработана.³⁷ В 2006 году была принята модель EUIBM второго поколения, включающая пять взаимосвязанных аспектов, в том числе проверенную на практике четырёхступенчатую модель контроля доступа.³⁸ После расширения Шенгенской зоны в 2007 году Шенгенский каталог внешних границ 2009 года подтвердил пятимерную структуру EUIBM в качестве основы.³⁹

В ответ на изменения на внешних границах и значительные миграционные потоки, в 2015 году Регламент (ЕС) 2016/1624 о Европейской пограничной и береговой охране (FRONTEX)⁴⁰ отметил, что EUIBM является необходимым спутником свободного передвижения и основополагающим компонентом зоны свободы, безопасности и правосудия. Статья 4 Регламента впервые ввела юридически обязательную модель EUIBM из 11 компонентов, тем самым создав третье поколение EUIBM.

Поскольку структура EUIBM требовала дальнейшего совершенствования, три года спустя был принят Регламент (ЕС) 2019/1896, изменивший мандат FRONTEX.⁴¹ Этот Регламент существенно расширил концепцию

³⁶ Council of the European Union, "EU Schengen Catalogue. External Borders Control, Removal and Readmission: Recommendations and Best Practices," February 2002, <https://www.consilium.europa.eu/media/31011/catalogue-en.pdf>.

³⁷ Commission of the European Communities, "Towards Integrated Management of the External Borders of the Member States of the European Union," Communication from the Commission to the Council and the European Parliament, COM(2002) 233 final, May 7, 2002, <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2002:0233:FIN:EN:PDF>.

³⁸ Council of the European Union, "Justice and Home Affairs, 2768th Council Meeting, Brussels, 4–5 December 2006, Brussels," *Press Release*, Doc. 15801/06 (Presse 341), <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST%2015801%202006%20INIT/EN/pdf>.

³⁹ Council of the European Union, "Updated EU Schengen Catalogue on External Borders Control, Return and Readmission," Note from the Drafting Group for updating of Schengen catalogue on External borders control, Return and readmission to Schengen Evaluation Working Party, 7864/09, Brussels, March 19, 2009, <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-7864-2009-INIT/en/pdf>.

⁴⁰ "Regulation (EU) 2016/1624 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2016 on the European Border and Coast Guard and Amending Regulation (EU) 2016/399 of the European Parliament and of the Council and Repealing Regulation (EC) No 863/2007 of the European Parliament and of the Council, Council Regulation (EC) No 2007/2004 and Council Decision 2005/267/EC (end of validity 31/12/2020)," *Official Journal of the European Union* L 251/1, September 16, 2016, <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/1624/oj/eng>.

⁴¹ "Regulation (EU) 2019/1896 of the European Parliament and of the Council of 13 November 2019 on the European Border and Coast Guard and Repealing Regulations

EUIBM (статья 3), теперь включавшую 12 базовых и 3 общих компонента. Четырёхуровневая модель контроля доступа осталась структурной основой этой во многом расширенной концепции EUIBM поколения 3+.

Правовая основа EUIBM базируется на статье 77 Договора о функционировании Европейского союза. В соответствии со статьёй 77(1)(с) Договора, ЕС должен разработать политику постепенного внедрения комплексной системы охраны внешних границ. Согласно статье 77(2)(d) Договора, Европарламент и Европейский совет должны в рамках обычной законодательной процедуры принять все необходимые меры для постепенного создания комплексной системы охраны внешних границ.

Атаки и уроки

Шенгенская зона с 2021 года всё больше страдает от нелинейной войны со стороны России и Беларуси. Намеренное манипулирование мобильностью населения – использование миграции – угрожает северо-восточным рубежам ЕС. Будучи стратегией с низкими затратами и кумулятивным эффектом, такое преднамеренное нарушение вынудило Европейский Союз усовершенствовать подходы к обеспечению стойкости.⁴²

20 лет углубленного анализа принудительной, искусственной стратегической миграции⁴³ с участием Европейского центра передового опыта по противодействию гибридным угрозам привели к прагматичным выводам: использование миграции в качестве оружия стало прежде всего дешёвой тактикой злоумышленников. Пострадавшие страны ЕС сталкиваются с проблемой противодействия её последствиям, при одновременной защите права мигрантов. Стратегический выбор ЕС заключается в выборе между мерами предупреждения и реагирования, которые можно назвать «сдерживанием путём воспрещения» и «сдерживанием путём возмездия».⁴⁴ На практике выверенно и гибко применяются оба подхода.

(EU) No 1052/2013 and (EU) 2016/1624,” *Official Journal of the European Union* L 295/1, November 14, 2019, <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2019/1896/oj/eng>.

⁴² Monika Sie Dhian Ho, Myrthe Wijnkoop, “The Instrumentalization of Migration: A Geopolitical Perspective and Toolbox,” Report, Netherlands Institute of International Relations Clingendael, December 2022, www.clingendael.org/sites/default/files/2022-12/Report_The_instrumentalization_of_migration.pdf; Lucas Rasche, “The Instrumentalisation of Migration: How Should the EU Respond?” Policy Paper, Herti School, Jacques Delors Centre, December 16, 2022, www.delorscentre.eu/en/publications/the-instrumentalisation-of-migration.

⁴³ Kelly M. Greenhill, “Strategic Engineered Migration as a Weapon of War,” *Civil Wars* 10, no. 1 (2008): 6-21, <https://doi.org/10.1080/13698240701835425>; Myron Weiner, “Bad Neighbors, Bad Neighborhoods: An Inquiry into the Causes of Refugee Flows,” *International Security* 21, no. 1 (1996): 5-42, <https://doi.org/10.2307/2539107>; Michael S. Teitelbaum, “Immigration, Refugees, and Foreign Policy,” *International Organization* 38, no. 3 (1984): 429-450, <https://doi.org/10.1017/S0020818300026801>.

⁴⁴ Henrik Praks, “Russia’s Hybrid Threat Tactics against the Baltic Sea Region: From Disinformation to Sabotage,” *Hybrid CoE Working Paper* 32, May 2024, www.hybridcoe.fi/publications/hybrid-coe-working-paper-32-russias-hybrid-threat-tactics-against-

Несмотря на интенсивность российской и белорусской тактики использования миграции в качестве оружия, был извлечён ряд полезных уроков. Во-первых, система EUIBM прошла проверку. Она была улучшена и показала общую зрелость. Во-вторых, противники получили асимметричный ответ, хотя его эффективность остаётся спорной. В-третьих, все три направления сотрудничества в рамках EUIBM (международный, межведомственный и внутриведомственный) были протестированы на прочность и затем усилены. В-четвёртых, последствия принудительной спланированной миграции в целом укрепили структуру EUIBM и национальную безопасность пострадавших государств в соответствии с положением о национальной идентичности Статьи 4(2) Договора о Европейском Союзе. Этот список не полон, поскольку противники не в полной мере использовали свой потенциал принуждения.

На Мадридском саммите в июне 2022 года лидеры НАТО приняли пересмотренную Стратегическую концепцию, установив амбициозные базовые показатели сдерживания и обороны. Альянс подтвердил свою приверженность «постоянной защите каждого дюйма территории союзников»,⁴⁵ сигнализируя о принятии обновлённой стратегической концепции «сдерживания путём воспреещения». Она нацелена на предотвращение и отражение любых атак на территорию союзников во время или до начала вторжения, в идеале – сдерживая агрессию посредством убедительной угрозы немедленного сокрушительного ответа.

В этой связи систему EUIBM усиливает двусторонний подход. В марте 2025 года ЕС представил план «Перевооружение Европы / Готовность к 2030 году», объявив о выходе совместной Белой книги о готовности Европы к обороне.⁴⁶ В главе «Защита границ», подраздел «Устранение недостатков», появились следующие слова:

Важна защита всех сухопутных, воздушных и морских рубежей ЕС, особенно восточной границы ЕС. Проект Щита восточной границы – важная инициатива ряда стран-участниц, направленная на противодействие растущим вызовам в этом регионе. Он предусматривает создание комплексной системы охраны сухопутных границ, призванной усилить защиту

the-baltic-sea-region-from-disinformation-to-sabotage/; Christian Fjäder, Johan Schallin, “Building Resilience to Hybrid Threats: Best Practices in the Nordics,” *Hybrid CoE Working Paper* 31, May 2024, <https://www.hybridcoe.fi/publications/hybrid-coe-working-paper-31-building-resilience-to-hybrid-threats-best-practices-in-the-nordics/>; Alia Fakhry, András Rácz, Roderick Parkes, “Migration Instrumentalization: A Taxonomy for an Efficient Response,” *Hybrid CoE Working Paper* 14, March 2022, www.hybridcoe.fi/publications/hybrid-coe-working-paper-14-migration-instrumentalization-a-taxonomy-for-an-efficient-response/.

⁴⁵ “NATO 2022 Strategic Concept,” updated March 3, 2023, https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_210907.htm.

⁴⁶ European Commission, “Joint White Paper for European Defence Readiness 2030,” JOIN(2025) 120 final, March 19, 2025, Brussels, Point 4, <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52025JC0120>.

внешней сухопутной границы ЕС с Россией и Беларусью от военных и гибридных угроз. Она будет включать сочетание физических барьеров, развитие инфраструктуры и современные системы наблюдения.

Этот важный сдвиг в мышлении и действиях означает, что оборонные императивы могут охватить и сферу EUIBM, что даст двойной результат. В частности, мероприятия по наблюдению за границей на северо-восточном фланге уже несколько лет проводятся во всё более сложных условиях, с физическими, электронными и цифровыми препятствиями. Эти мероприятия подпадают не только под компонент пограничного контроля EUIBM, но и под концепцию сдерживание путём воспрещения НАТО.⁴⁷ Кроме того, такие компоненты EUIBM, как анализ рисков внутренней безопасности, международное сотрудничество и механизмы солидарности, могут способствовать формированию перспективной комплексной системы сдерживания ЕС. В этой связи статья 77(2)(d) Договора о создании ЕС, допускающая «любые необходимые меры», и статья 80 Договора, разрешающая «необходимые меры для реализации» принципа солидарности, дают достаточную правовую основу для сдерживания путём воспрещения.

Дилемма шенгенских краткосрочных виз

Выдача краткосрочных шенгенских виз категории С гражданам государств, ведущих комплексную нелинейную войну против Евросоюза, является проверкой на соответствие заявленным ценностям и принципам ЕС. Как справедливо отметила в 2021 году Элизабет Броу,⁴⁸ визы важны для сдерживания, поскольку они нужны получателям. Визы также можно использовать для потенциального наказания не стран, а отдельных лиц, по решению сторонников сдерживания. Западные страны могут усилить этот эффект, показав, что виз могут лишиться не только участники агрессии в «серой зоне», но и их близкие и сообщники.

Шенгенские краткосрочные визы категории С остаются запасным инструментом комплексного сдерживания ЕС, основанного на «мягкой силе». Визовые ограничения, введенные лишь некоторыми государствами Шенгенской зоны, запоздалые ограничения многократных виз для граждан России,⁴⁹ новые условия выдачи транзитных виз в аэропортах и дальнейший

⁴⁷ Scott Lee, Andrew Michta, Peter Jones, Lisa Bembenick, "NATO 2027: European Leadership Will Be Key to Deterrence Against Russia," MITRE / Atlantic Council, May 15, 2025, 14, <https://www.atlanticcouncil.org/wp-content/uploads/2025/05/NATO-2027-European-leadership-will-be-key-to-deterrence-against-Russia.pdf>.

⁴⁸ Elisabeth Braw, *The Defender's Dilemma: Identifying and Deterring Gray-Zone Aggression* (Washington, D.C.: American Enterprise Institute, 2021), 225-231, https://eci.pe.org/wp-content/uploads/2021/10/Braw_Defenders-Dilemma_Finalized.pdf.

⁴⁹ European Commission, "Commission Implementing Decision of 6.11.2025 Establishing Adapted Rules on the Issuing of Multiple-entry Visas to Russian Nationals Residing in the Russian Federation and Applying in the Russian Federation for Short-stay Visas," C(2025) 7552 final, https://home-affairs.ec.europa.eu/document/download/409a8179-9885-49f8-ab40-9c1a07b1f581_en.

приём российских паспортов без биометрических данных (за исключением Германии, Дании, Исландии, Латвии, Литвы, Франции, Чехии, Эстонии и Румынии) означают неполное использование потенциала сдерживания ЕС. Принятие новой стратегии убежища и миграции, а также визовой политики ЕС может изменить нынешнюю ситуацию.

Важным элементом EUIBM остаётся пограничный контроль, поскольку виза не дает автоматического права въезда ни в одну из 29 стран Шенгенской зоны, особенно если её юридическая сила территориально ограничена. Соблюдение требований получателем визы предполагается, но не гарантируется. Согласно статьям 6(1)(e) и 14(1) Шенгенского пограничного кодекса 2016 года,⁵⁰ гражданину третьей страны может быть разрешён въезд только в том случае, если он не считается угрозой для государственной политики, внутренней безопасности, общественного здоровья или международных отношений страны-участницы. Это требование статей 21(3)(d) и 32(1)(a)(vi) Визового кодекса 2009 года.⁵¹ Реальное выполнение этих условий по-прежнему остаётся сложной задачей.

Что касается носителей военной идеологии, пытающихся въехать в Шенгенскую зону, то решение Совета ЕС от 9 сентября 2022 года о приостановлении действия Соглашения между ЕС и Россией об упрощении визового режима 2007 года⁵² было отложено и имело ограниченный практический эффект. Визовая статистика за 2024 год свидетельствует об ослаблении ограничений ЕС, что вызывает этические, правовые и политические вопросы (Табл. 2).⁵³

⁵⁰ "Regulation (EU) 2016/399 of the European Parliament and of the Council of 9 March 2016 on a Union Code on the Rules Governing the Movement of Persons across Borders (Schengen Borders Code) (Codification)," *Official Journal of the European Union* L 77, March 23, 2016, <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/399/oj/eng>.

⁵¹ "Regulation (EC) No 810/2009 of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 Establishing a Community Code on Visas (Visa Code)," *Official Journal of the European Union* 243, September 15, 2009, <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2009/810/oj/eng>.

⁵² "Council Decision (EU) 2022/1500 of 9 September 2022 on the Suspension in Whole of the Application of the Agreement between the European Community and the Russian Federation on the Facilitation of the Issuance of Visas to the Citizens of the European Union and the Russian Federation," *Official Journal of the European Union* L1 234/1, September 9, 2022, <https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2022/1500/oj/eng>.

⁵³ Стоит отметить, что статья вышла до появления статистических данных по шенгенским визам за 2025 год. Ожидается, что Еврокомиссия опубликует статистику по визам за 2025 год в марте или апреле 2026 года. Учитывая деликатность темы, сроки публикации могут зависеть от среднесрочных тенденций, отражённых в данных, поскольку Еврокомиссии может потребоваться дополнительное время для определения политического посыла. "Short-stay Visas Issued by Schengen Countries," European Commission, December 2, 2025, https://home-affairs.ec.europa.eu/policies/schengen/visa-policy/short-stay-visas-issued-schengen-countries_en.

Таблица 2. Данные о выдаче шенгенских виз категории С гражданам РФ (без виз, выданных на пограничных пунктах пропуска, и транзитных виз в аэропортах)

	Всего подано заявлений на получение стандартных краткосрочных шенгенских виз категории С (в консульствах)	Всего выдано стандартных краткосрочных шенгенских виз категории С (включая многократные визы)	Динамика выдачи виз, %, по годам
2024	606 800	541 839	+ 20,7 %
2023	520 387	448 890	- 25,7 %
2022	687 239	603 955	+ 17,5 %
2021	536 241	513 811	- 19,2 %
2020	653 271	635 764	-

Источник: веб-страница Еврокомиссии

Опросы общественного мнения в России показывают, что 70-80 % респондентов полностью или частично поддерживают военное вторжение в Украину.⁵⁴ Кроме того, с 2005 по 2025 год доля россиян, считающих Владимира Путина «совестью нации» и «моральным образцом», выросла с 9 % до 21 %.⁵⁵ Российские граждане, включая представителей молодой элиты и детей лиц, находящихся под санкциями, ценят Европу не только за активы, акции и семейное добро, но и за возможности для образования и отдыха. Но это не всё. Шенгенские визы нужны и тем, кто занимается подрывной деятельностью.⁵⁶

Всё это вызывает вопросы о недостаточном использовании потенциала комплексного сдерживания ЕС, если оценивать его сквозь призму принципа

⁵⁴ Statista, "Russia: Opinion on Military Actions in Ukraine Monthly 2022-2025," June 7, 2025, www.statista.com/statistics/1306904/russia-public-opinion-on-military-action-in-ukraine/; Maria Snegovaya, "The Reluctant Consensus: War and Russia's Public Opinion," Atlantic Council, December 17, 2024, www.atlanticcouncil.org/content-series/russia-tomorrow/reliant-consensus-war-and-russias-public-opinion/; Charles Maynes, "Independent Study Suggests Russian Support for the War in Ukraine Is Complicated," *NPR Media*, September 24, 2024, www.npr.org/2024/09/24/nx-s1-5123628/independent-study-suggests-russian-support-for-the-war-in-ukraine-is-complicated.

⁵⁵ RFE / RL (USAGM), "Без морали, но с духовностью: как власть в России размывает нравственные ориентиры людей", *Настоящее время*, 23 июля 2025, www.currenttime.tv/a/bez-morali-no-s-duhovnymi-tsennostyami-kak-vlast-v-rossii-lishaet-nravstvennye-orientiry-lyudey/33481051.html.

⁵⁶ Seth G. Jones, "Russia's Shadow War Against the West," *CSIS Brief*, Center for Strategic and International Studies, March 18, 2025, <https://www.csis.org/analysis/russias-shadow-war-against-west>; Lennart Maschmeyer, *Subversion: From Covert Operations to Cyber Conflict* (Oxford University Press, 2024), <https://doi.org/10.1093/oso/9780197745854.001.0001>; Andrew Radin, Alyssa Demus, Krystyna Marcinek, "Understanding Russian Subversion: Patterns, Threats, and Responses," *Expert Insights*, RAND, February 18, 2020, <https://doi.org/10.7249/PE331>.

солидарности. Возникает очевидная проблема: те, кто поддерживает военные преступления, преступления против человечности и нарушения Устава ООН, не должны так легко попадать в Шенгенскую зону. Эта проблема усилится, поскольку, помимо десятков миллионов жёстких сторонников войны, более 1,5 миллиона граждан России и других стран, лично участвовавших в войне с Украиной с 2014 года, могут претендовать на шенгенские визы в будущем. И это лишь один аспект более широкой и сложной проблемы ближайших десятилетий.

Гипотетически, гибкость превентивного сдерживания может обеспечить множество инструментов, но следует отметить, что одних лишь правовых механизмов недостаточно для решения фундаментальных проблем, связанных с образом мышления, политической волей и практическим проявлением солидарности в ЕС. Вне своего поверхностного значения солидарность становится сложным понятием, не имеющим чёткого нормативного измерения или общепринятого определения, что ведёт к широкой трактовке её смысла, масштаба, ожиданий и последствий.⁵⁷ Если верить мнению Адама Хеншке, Роберта Речковского и Анджея Лиса,⁵⁸ похоже, что коммерциализация механизма краткосрочных шенгенских виз в ущерб внутренней безопасности ЕС, национальной безопасности стран-участниц и целостности ЕС, в сочетании с моральными последствиями, становится уязвимостью в продолжающейся когнитивной войне.

Предложения и видение комплексного сдерживания в ЕС

Исходя из вышесказанного, в этом разделе мы рассмотрим второй принципиальный вопрос: как Евросоюз может усилить потенциал «мягкого» сдерживания?

Сначала – образ мышления, потом – процесс познания

Для начала необходимо понять условия сдерживания на северо-восточном фланге. Последние 300 лет мы наблюдаем постоянную агрессию России. Говоря о более чем десяти годах зомбирования общества в России, Джейд Макглинн отметила, что прокремлёвская повестка имеет целью создать у людей эмоциональное состояние, выключающее критическое мышление, и развить когнитивные фильтры и эвристику, отвергающие любую альтерна-

⁵⁷ Laura C. Ferreira-Pereira, Arthur John Richard Groom, “Mutual Solidarity within the EU Common Foreign and Security Policy: What Is the Name of the Game?” *International Politics* 47, no. 6 (2010): 596-616, <https://doi.org/10.1057/ip.2010.29>.

⁵⁸ Adam Henschke, “Foundational Moral and Political Values,” в *Cognitive Warfare: Grey Matters in Contemporary Political Conflict* (London: Routledge, 2024): 199-229, <https://doi.org/10.4324/9781003126959-12>; Robert Reczkowski, Andrzej Lis, “Cognitive Warfare: What Is Our Actual Knowledge and How to Build State Resilience?” *Security Theory and Practice* 3 (XLVIII) (2022): 51-61, <https://doi.org/10.48269/2451-0718-btip-2022-3-003>.

тивную версию реальности.⁵⁹ Кроме того, Дмитрий Адамский отметил, что западные учёные склонны интерпретировать российское сдерживание сквозь призму западной стратегической теории.⁶⁰ Поэтому комплексное сдерживание ЕС должно строиться на понимании противников, исповедующих принципиально иные ценности, которым нельзя доверять. Постоянное следование безжалостному стратегическому расчёту Кремля, ставящему деньги выше морали и стремящемуся «вести бизнес, как обычно», неизбежно приведёт к стратегическим потерям.

С февраля 2014 года остаётся актуальным исторический императив мыслить «нестандартно». Он требует рассмотрения нетипичных мер сдерживания вне традиционно чрезмерно вежливых рамок политики ЕС, с использованием инструментов, которых у НАТО нет и быть не может.

Оценивая стратегии безопасности ЕС, Джеймс Сперлинг утверждал, что Евросоюз способен устойчиво существовать и эффективно функционировать в качестве субъекта безопасности. Однако он считает, что

... Когда внешняя политика безопасности, продиктованная ЕС, потребует жертв и финансовых затрат, или внутренняя политика безопасности явно изменит внутренний общественный договор, единство и эффективность целей безопасности ЕС, заложенных в общей стратегии безопасности, падут жертвой избирателей отдельных стран, которые будут настаивать на сохранении политическими элитами суверенных прерогатив, несмотря на техническое превосходство коллективных действий.⁶¹

Если коротко, то согласно этой точке зрения, узкая политика, продиктованная национальными интересами, часто преобладает над международно-правовыми обязательствами, поскольку политики ставят сохранение власти и краткосрочный социальный комфорт выше долгосрочной безопасности. Кроме того, без солидарности ЕС сторонние игроки могут легко манипулировать европейскими странами, не давая им принять решительных мер в защиту демократии.⁶² Философ Майя Куле утверждает, что современный мир переходит от эпохи Разума к эпохе Воли. Российская идеология использует особенность эпохи Воли: заявления вовсе не должны быть после-

⁵⁹ Jade McGlynn, *Russia's War* (Polity Press, 2023), 76-81.

⁶⁰ Dmitry Adamsky, "Quo Vadis, Russian Deterrence? Strategic Culture and Coercion Innovations," *International Security* 49, no. 3 (2025): 50-83, https://doi.org/10.1162/isec_a_00502.

⁶¹ James Sperling, "The European Union and the Grand Security Strategy for Post-Westphalian Governance", в *EU Security Strategies: Extending the EU System of Security Governance*, ed. Spyros Economides and James Sperling (London: Routledge, 2017), 4, <https://doi.org/10.4324/9781315455297>.

⁶² Pabriks, Kudors, eds., *The War in Ukraine: Lessons for Europe*, 176; Alex Raufoglu, "Swap Mush for Steel" – Lithuania Urges NATO to End Era of 'Self-Deterrence' Against Russia," interview with Lithuania's Foreign Minister Kęstutis Budrys, *Kyiv Post*, Novemb-ber 11, 2025, <https://www.kyivpost.com/post/63992>.

довательными, правдивыми или логичными. Кремль озвучивает свои желания, а не то, что подсказывает здравый смысл. В этой новой архитектуре силовые действия требуют силового ответа.⁶³ Исходя из этой логики, комплексное сдерживание ЕС очевидно представляет собой элемент этого необходимого «силового противодействия».

Камино Мортера-Мартинес считает, что Европейский Союз не решит проблему доверия к нему при помощи новых законов или судебных решений, поскольку проблема проистекает из политических, а не юридических разногласий.⁶⁴ Исходя из этого посыла, и рассматривая его сквозь призму стойкости общества, качество руководства прямо коррелирует с образованным электоратом, обладающим когнитивными способностями для выбора политически компетентных руководителей.

Заглядывая в будущее

В 2019 году Келли Гринхилл предположила, что асимметричные и гибридные методы и стратегии останутся исключением в межгосударственных конфликтах, но ситуация, похоже, меняется и будет меняться далее, возможно, всё быстрее, поскольку в ближайшие десятилетия мощь (потенциально) будет всё больше рассредоточиваться по миру.⁶⁵ Реальность явно подтверждает её правоту.

Что касается ответа ЕС, то, учитывая уникальность ЕС и относительно новый тип агрессии в «серой зоне», может понадобиться инновационный подход. Синтез столь широких концепций требует организованного участия аналитических центров и научных учреждений ЕС в специальных исследованиях. Поручение таких исследований соответствует стратегической тенденции, описанной в докладе Саули Ниинистё 2024 года, и согласуется с необходимостью защиты базовых ценностей ЕС.

В силу исторического опыта и прямых контактов страны, находящиеся ближе к России, лучше понимают агрессивность Кремля. Их мнение должно стать приоритетом. Северо-Восточная Европа, как региональный хаб знаний

⁶³ Maija Küle, "The Age of Will: Introduction Into the Theme," *Ideology and Politics Journal* 1, no. 27 (2025): 4-19, <https://doi.org/10.36169/2227-6068.2025.01.00014>. Для сравнения см. утверждение о том, что «при постмодернизме такие традиционные вопросы, как границы, национальное самосознание и государственный суверенитет, менее важны, чем стремление к процветанию, демократическому правлению и личному благополучию», в Peter van Ham, *European Integration and the Postmodern Condition: Governance, Democracy, Identity* (London: Routledge, 2001), 15.

⁶⁴ Camino Mortera-Martínez, "Is There a Future for the EU's Area of Freedom, Security and Justice? A Plan to Build Back Trusts," *Policy Brief*, Centre for European Reform, January 26, 2022, <https://www.cer.eu/publications/archive/policy-brief/2022/there-future-eus-area-freedom-security-and-justice>.

⁶⁵ Kelly M. Greenhill, "Asymmetric Advantage: Weaponizing People as Nonmilitary Instruments of Cross-Domain Coercion", в *Cross-Domain Deterrence: Strategy in an Era of Complexity*, ed. Eric Gartzke and Jon R. Lindsay (Oxford University Press, 2019), 259-289, <https://doi.org/10.1093/oso/9780190908645.003.0012>.

о России и Беларуси, обладает необходимыми возможностями для действенного участия в выработке концепции сдерживания ЕС.

При этом отдельные элементы необходимой структуры уже созданы, но не интегрированы. Иными словами, велосипед почти изобретён, но ещё не собран. Можно упомянуть несколько исследований, хотя не все из них относятся к невоенной сфере. В 2021 году Вигелл, Миккола и Юнтунен проанализировали устойчивость ЕС, стойкость общества, готовность, подход силами всего общества и сдерживание. В своём исследовании они предложили способ осмысления гибридных угроз и обосновали необходимость рабочей комплексной модели стойкости ЕС, включающей невоенное сдерживание.⁶⁶ В том же году Академия обороны Нидерландов опубликовала сборник из 25 статей по теории сдерживания в новых условиях и предложила оценку современных подходов к сдерживанию.⁶⁷ В 2021 году Гаагский центр стратегических исследований предложил пять стратегических вариантов противодействия гибридным угрозам, которые можно применять параллельно или последовательно.⁶⁸

Меры ЕС по наращиванию потенциала «мягкого» сдерживания выигрывают, в частности, от включения в них подхода к мышлению и образованию, возникшего в Северной Европе и доказавшего свою эффективность. В этой связи стоит отметить, что оценки угроз, озвученные Эстонией, Латвией и Литвой, особенно после 2014 года, оправдались, хотя, к сожалению, в то время они не были в полной мере услышаны. В более широком смысле, Северо-Восточная Европа всё чаще берет на себя роль невоенного фактора безопасности, особенно там, где стратегическую ценность представляют инновационные асимметричные подходы.

Ожидается, что потенциал «мягкого» сдерживания EUIBM будет расширен, в том числе за счёт взаимного дополнения гражданского и военного сдерживания. Тем не менее, учитывая природу нелинейной войны, эффективность нынешней концепции EUIBM поколения 3+ может исчерпаться, что заставляет задуматься о концепции EUIBM 4 поколения. На это указывают по крайней мере два важных момента.

Во-первых, концепция EUIBM поколения 3+ была разработана в первую очередь в ответ на миграционное давление на внешних границах Шенгенской зоны в 2014-2016 гг. с географическим акцентом на южный фланг. По-

⁶⁶ Mikael Wigell, Harri Mikkola, Tapio Juntunen, “Best Practices in the Whole-of-Society Approach in Countering Hybrid Threats,” European Parliament, May 6, 2021, [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EXPO_STU\(2021\)653632](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EXPO_STU(2021)653632).

⁶⁷ Frans Osinga, Tim Sweijts, eds., *NL ARMS Netherlands Annual Review of Military Studies 2020: Deterrence in the 21st Century – Insights from Theory and Practice* (The Hague: T.M.C. Asser, 2021), <https://doi.org/10.1007/978-94-6265-419-8>.

⁶⁸ Tim Sweijts, Samuel Zilincik, Frank Bekkers, Rick Meessen, “A Framework for Cross-Domain Strategies Against Hybrid Threats,” The Hague Centre for Strategic Studies, January 12, 2021, <https://hcss.nl/report/a-framework-for-cross-domain-strategies-against-hybrid-threats/>.

этому концепция фокусируется на мобильности населения. Но после 2021 года столь же серьёзной угрозой стала нелинейная война со стороны враждебных стран. Это привело к заметному смещению фокуса – с контроля миграции на общие проблемы безопасности, а главное – на национальную безопасность пострадавших стран ЕС. Во-вторых, структурные реформы ЕС поставлены на паузу, но они остаются на повестке дня, в свете меняющихся вызовов XXI века. Ожидается, что этот более широкий процесс повлияет на EUIBM. Эти соображения, при всей их неполноте, указывают на необходимость пересмотра концепции EUIBM поколения 3+. Наконец, нельзя однозначно утверждать, что нынешняя широкая концепция EUIBM обеспечивает баланс между мобильностью людей и безопасностью, не забывая при этом об актуальности упрощения торговых процедур.

Заключение

Эта статья вносит вклад в дискуссию об отсутствии у Европейского Союза чёткой комплексной стратегии невоенного сдерживания. Несмотря на острый запрос на когнитивную мудрость «мягкой силы», успехи в создании системы сдерживания за последнее десятилетие минимальны. Заявления 2014-2025 годов не дают ясности в вопросах сдерживания и не содержат точного и целостного стратегического видения.

Европейский Союз, основанный на солидарности и взаимном доверии, обладает явным интеллектуальным (включая политическое и дипломатическое), экономическим, информационным и правовым преимуществом перед Беларусью, Ираном, Северной Кореей и Россией. В этих областях Евро-союз при необходимости может уверенно конкурировать со США и Китаем. Задача состоит в том, чтобы трансформировать эти преимущества в превосходство в принятии решений.

Давняя политика самосдерживания ЕС, доминирующего за счёт абсорбции, оказалась неэффективной и даже опасной, в то время как противодействие комплексному силовому воздействию требует общего комплексного сдерживания. Разработка и реализация общей целостной стратегии сдерживания ЕС, включающей как превентивные, так и ответные меры, идёт медленно и нестабильно. Приоритетом должно стать превентивное сдерживание. Обновлённый «Рах Еуропаеа» требует такого инструмента влияния.

Безоговорочное применение мягкой силы является законным инструментом сдерживания. Тем не менее нельзя утверждать, что культивируемые в ЕС понятия «стойкости» и «готовности» включают комплексное сдерживание. Поиск их связи со сдерживанием представляет собой Сизифов труд. Сдерживание редко упоминается в комплексных инициативах ЕС по противодействию гибридным угрозам. Кроме того, мероприятие № 7 Стратегии готовности Европейского Союза 2025 года не включено в два тематических раздела, посвящённых стойкости, а отнесено к категории «Прогнозирование и предвидение».

Хотя некоторые элементы невоенного сдерживания уже существуют и функционируют, единая теоретическая база, необходимая для появления общей стратегии сдерживания, по-прежнему отсутствует. Для устранения этого пробела и выработки долгосрочной стратегической концепции Евро-союзу следует в первую очередь задействовать свои интеллектуальные и научные возможности. Исходя из эпистемологического понимания России, Северо-Восточная Европа лучше всего подходит для разработки и предложения оригинальной невоенной концепции сдерживания ЕС.

Эффективная комплексная стратегия сдерживания зависит от прочной солидарности и взаимодействия гражданских и военных. Здесь имеется скрытый потенциал EUIBM поколения 3+. В частности, Северо-Восточная Европа уже больше десяти лет последовательно укрепляет солидарность ЕС, разместив профессиональных пограничников и технические средства для борьбы с нелегальной миграцией. В соответствии с принципом солидарности, Северо-Восточная Европа также вправе ожидать большей взаимной поддержки в реагировании на стратегически спланированную насильственную миграцию.

Европейское сдерживание – не панацея от идеологий, стремящихся разрушить Европейский Союз, самую успешную инициативу в европейской истории. Поэтому контекст и выводы этой статьи имеют более широкое применение. При политической поддержке и реализации, европейское комплексное сдерживание может решить проблемы, исходящие от России и Беларуси. Эпоха когнитивной войны требует когнитивной готовности, важным компонентом которой является комплексное сдерживание.

Примечание

Мнения, выводы, заключения и рекомендации в данной публикации принадлежат автору и могут не отражать официальную политику или позицию Консорциума «Партнёрство ради мира», организаций-участниц и любых правительственных или международных организаций, связанных с его руководящими структурами.

Благодарность

Я глубоко признателен Европейскому центру исследований в области безопасности им. Джорджа Маршалла за поддержку в написании этой статьи. Особая благодарность – доктору Марку Озаве за его неоценимую помощь. Исследования для этой статьи поддержал проект Латвийского университета «Внутренняя и внешняя консолидация» в рамках программы восстановления и повышения стойкости ЕС (№ 5.2.1.1.i.0/24/I/CFLA/007).

Об авторе

Райтис Тиликс – полковник Государственной пограничной службы Латвии в отставке с 32-летним стажем. Участвовал в разработке концепции комплексной охраны границ Латвии в 2013-2018 гг., много лет работал в рамках Инструмента сотрудничества в целях развития ЕС и Общей политики безопасности и обороны ЕС. С 2010 года является членом Ассоциации пограничных исследований; выпускник Центра Маршалла, аспирант Латвийского университета. <https://orcid.org/0009-0006-3755-1078>

Электронная почта: raitis.tiliks@lu.lv

Библиография

- “Council Decision (EU) 2022/1500 of 9 September 2022 on the Suspension in Whole of the Application of the Agreement between the European Community and the Russian Federation on the Facilitation of the Issuance of Visas to the Citizens of the European Union and the Russian Federation,” *Official Journal of the European Union* L 234/1, September 9, 2022, <https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2022/1500/oj/eng>.
- “National Security Strategy of the United States of America,” The White House, November 2025, <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf>.
- “NATO 2022 Strategic Concept,” updated March 3, 2023, https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_210907.htm.
- “Presidency Conclusions: European Council meeting in Laeken, 14 and 15 December 2001,” <https://www.consilium.europa.eu/media/20950/68827.pdf>.
- “Regulation (EC) No 810/2009 of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 Establishing a Community Code on Visas (Visa Code),” *Official Journal of the European Union* 243, September 15, 2009, <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2009/810/oj/eng>.
- “Regulation (EU) 2016/1624 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2016 on the European Border and Coast Guard and Amending Regulation (EU) 2016/399 of the European Parliament and of the Council and Repealing Regulation (EC) No 863/2007 of the European Parliament and of the Council, Council Regulation (EC) No 2007/2004 and Council Decision 2005/267/EC (end of validity 31/12/2020),” *Official Journal of the European Union* L 251/1, September 16, 2016, <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/1624/oj/eng>.
- “Regulation (EU) 2016/399 of the European Parliament and of the Council of 9 March 2016 on a Union Code on the Rules Governing the Movement of Persons across Borders (Schengen Borders Code) (Codification),” *Official Journal of the European Union* L 77, March 23, 2016, <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/399/oj/eng>.
- “Regulation (EU) 2019/1896 of the European Parliament and of the Council of 13 November 2019 on the European Border and Coast Guard and Repealing Regulations (EU) No 1052/2013 and (EU) 2016/1624,” *Official Journal of the European Union* L 295/1, November 14, 2019, <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2019/1896/oj/eng>.
- “Robust. Resilient. Sustainable: Integrated Security for Germany – National Security Strategy,” The Federal Government of Germany, June 2023, www.nationale-sicherheitsstrategie.de/National-Security-Strategy-EN.pdf.

- "Short-stay Visas Issued by Schengen Countries," European Commission, December 2, 2025, https://home-affairs.ec.europa.eu/policies/schengen/visa-policy/short-stay-visas-issued-schengen-countries_en.
- "Tampere European Council 15 and 16 October 1999 Presidency Conclusions," European Parliament, https://www.europarl.europa.eu/summits/tam_en.htm.
- Adamsky, Dmitry, "Quo Vadis, Russian Deterrence? Strategic Culture and Coercion Innovations," *International Security* 49, no. 3 (2025): 50-83, https://doi.org/10.1162/isec_a_00502.
- Anghel, Veronica, "Why the EU Is a Geopolitical Power: Wartime Enlargement, Integration, and Reform," *Journal of European Public Policy* 32, no. 12 (2025): 2862-2885, <https://doi.org/10.1080/13501763.2025.2558974>.
- Bajarūnas, Eitvydas, "Addressing Hybrid Threats: Priorities for the EU in 2020 and Beyond," *European View* 19, no. 1 (2020): 62-70, <https://doi.org/10.1177/1781685820912041>.
- Benner, Thorsten, "Why Germany Needs to Invest More to Preserve the Status Quo in the Taiwan Strait," *Internationale Politik Quarterly*, March 16, 2022, <https://ip-quarterly.com/en/why-germany-needs-invest-more-preserve-status-quo-taiwan-strait>.
- Bernat, Pawel, Viacheslav Semenenko, Pavlo Openko, and Daniel Michalski, "Russian Proxy Use in the Hybrid War against Ukraine before the 2022 Invasion", in *Proxy Wars from a Global Perspective: Non-State Actors and Armed Conflicts*, ed. Pawel Bernat, Cüneyt Güner, and Cyprian Aleksander Kozera (New York, NY: Bloomsbury Academic, 2025): 61-76.
- Bērziņš, Jānis, "Russian New Generation Warfare Is Not Hybrid Warfare," in *The War in Ukraine: Lessons for Europe*, ed. Artis Pabriks and Andis Kudors (Riga: University of Latvia Press, 2015): 40-51, <https://appc.lv/en/petijumi/the-war-in-ukraine-lessons-for-europe/>.
- Braw, Elisabeth, *The Defender's Dilemma: Identifying and Deterring Gray-Zone Aggression* (Washington, D.C.: American Enterprise Institute, 2021), https://ecipe.org/wp-content/uploads/2021/10/Braw_Defenders-Dilemma_Finalized.pdf.
- Commission of the European Communities, "Towards Integrated Management of the External Borders of the Member States of the European Union," Communication from the Commission to the Council and the European Parliament, COM(2002) 233 final, May 7, 2002, <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2002:0233:FIN:EN:PDF>.
- Council of the European Union, "A Strategic Compass for Security and Defence: For a European Union That Protects Its Citizens, Values and Interests and Contributes

to International Peace and Security,” Doc. No. 7371/22, March 21, 2022, <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-7371-2022-INIT/en/pdf>.

Council of the European Union, “Council Conclusions on a Framework for a Coordinated EU Response to Hybrid Campaigns,” Press Release, June 21, 2022, www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/06/21/council-conclusions-on-a-framework-for-a-coordinated-eu-response-to-hybrid-campaigns/.

Council of the European Union, “EU Schengen Catalogue. External Borders Control, Removal and Readmission: Recommendations and Best Practices,” February 2002, <https://www.consilium.europa.eu/media/31011/catalogue-en.pdf>.

Council of the European Union, “Justice and Home Affairs, 2768th Council Meeting, Brussels, 4–5 December 2006, Brussels,” Press Release, Doc. 15801/06 (Presse 341), <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST%2015801%202006%20INIT/EN/pdf>.

Council of the European Union, “Updated EU Schengen Catalogue on External Borders Control, Return and Readmission,” Note from the Drafting Group for updating of Schengen catalogue on External borders control, Return and readmission to Schengen Evaluation Working Party, 7864/09, Brussels, March 19, 2009, <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-7864-2009-INIT/en/pdf>.

Cox, Dan G., Thomas Bruscino, and Alex Ryan, “Why Hybrid Warfare Is Tactics Not Strategy: A Rejoinder to ‘Future Threats and Strategic Thinking’,” *Military Strategy Magazine* 2, no. 2 (2012): 25–29, <https://doi.org/10.64148/msm.v2i2.5>.

Dams, Ties, “Taiwan and a European Doctrine of Deterrence: A Matter of Time,” Clingendael Institute, March 21, 2024, www.clingendael.org/publication/taiwan-and-european-doctrine-deterrence.

Driedger, Jonas J., “Did Germany Contribute to Deterrence Failure against Russia in Early 2022?” *Central European Journal of International and Security Studies* 16, no. 3 (2022): 152–171, <https://doi.org/10.51870/TLXC9266>.

Echevarria, Antulio J., “Deterring War without Threatening War: Rehabilitating the West’s Risk-averse Approach to Deterrence,” *Military Strategy Magazine* 9, no. 2 (2024): 4–11, <https://doi.org/10.64148/msm.v9i2.1>.

European Commission, “2025 Strategic Foresight Report – Resilience 2.0: Empowering the EU to Thrive Amid Turbulence and Uncertainty,” Communication from the Commission to the European Parliament and the Council COM (2025) 484 final, September 9, 2025, https://commission.europa.eu/publications/strategic-fore-sight-report-2025_en.

European Commission, “Commission Implementing Decision of 6.11.2025 Establishing Adapted Rules on the Issuing of Multiple-entry Visas to Russian Nationals Residing in the Russian Federation and Applying in the Russian Federation for

- Short-stay Visas,” C(2025) 7552 final, https://home-affairs.ec.europa.eu/document/download/409a8179-9885-49f8-ab40-9c1a07b1f581_en.
- European Commission, “EU Preparedness Union Strategy to Prevent and React to Emerging Threats and Crises,” JOIN(2025) 130 final (with Annex), March 16, 2025, Brussels, https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_25_856.
- European Commission, “Increasing Resilience and Bolstering Capabilities to Address Hybrid Threats,” Joint Communication to the European Parliament, the European Council and the Council, JOIN(2018) 16 final, June 13, 2018., Brussels, 8, <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52018JC0016>.
- European Commission, “Joint White Paper for European Defence Readiness 2030,” JOIN(2025) 120 final, March 19, 2025, Brussels, Point 4, <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52025JC0120>.
- European Commission, High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy, “Joint Framework on Countering Hybrid Threats: A European Union Response,” Joint Communication to the European Parliament and the Council, JOIN (2016) 18 final, April 6, 2016, Brussels, <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52016JC0018>.
- Fakhry, Alia, András Rácz, and Roderick Parkes, “Migration Instrumentalization: A Taxonomy for an Efficient Response,” *Hybrid CoE Working Paper* 14, March 2022, <https://www.hybridcoe.fi/publications/hybrid-coe-working-paper-14-migration-instrumentalization-a-taxonomy-for-an-efficient-response/>.
- Ferreira-Pereira, Laura C., and Arthur John Richard Groom, ““Mutual Solidarity within the EU Common Foreign and Security Policy: What Is the Name of the Game?” *International Politics* 47, no. 6 (2010): 596-616, <https://doi.org/10.1057/ip.2010.29>.
- Finnish Government, “Security Strategy for Society: Government Resolution,” Security Committee, Ministry of Defence, January 16, 2025, <http://urn.fi/URN:ISBN:978-952-383-817-8>.
- Fjäder, Christian, and Johan Schalin, “Building Resilience to Hybrid Threats: Best Practices in the Nordics,” *Hybrid CoE Working Paper* 31, May 2024, <https://www.hybridcoe.fi/publications/hybrid-coe-working-paper-31-building-resilience-to-hybrid-threats-best-practices-in-the-nordics/>.
- Galeotti, Mark, *The Weaponisation of Everything: A Field Guide to the New Way of War* (Yale University Press, 2022).
- Giles, Keir, *Russia’s War on Everybody: And What It Means for You* (London: Bloomsbury Publishing, 2024).
- Goldhamer, Herbert, “The Soviet Union in a Period of Strategic Parity,” RAND Report R-889-PR (Santa Monica, CA: RAND Corporation, 1971), <https://www.rand.org/pubs/reports/R0889.html>.

- Greenhill, Kelly M., "Asymmetric Advantage: Weaponizing People as Nonmilitary Instruments of Cross-Domain Coercion," in *Cross-Domain Deterrence: Strategy in an Era of Complexity*, ed. Eric Gartzke and Jon R. Lindsay (Oxford University Press, 2019), 259-289, <https://doi.org/10.1093/oso/9780190908645.003.0012>.
- Greenhill, Kelly M., "Strategic Engineered Migration as a Weapon of War," *Civil Wars* 10, no. 1 (2008): 6-21, <https://doi.org/10.1080/13698240701835425>.
- Harris, Peter, and Jared M. McKinney, "Strategic Clarity or Calamity? Competing Logics of Deterrence in the Taiwan Strait," *International Affairs* 100, no. 3 (2024): 1171-1187, <https://doi.org/10.1093/ia/iaae071>.
- Hassner, Pierre, "The Changing Context of European Security," *Journal of Common Market Studies* 7, no. 1 (1968): 1-21, <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.1968.tb00205.x>.
- Henschke, Adam, "Foundational Moral and Political Values," in *Cognitive Warfare: Grey Matters in Contemporary Political Conflict* (London: Routledge, 2024): 199-229, <https://doi.org/10.4324/9781003126959-12>.
- Ho, Monika Sie Dhian, and Myrthe Wijnkoop, "The Instrumentalization of Migration: A Geopolitical Perspective and Toolbox," Report, Netherlands Institute of International Relations Clingendael, December 2022, www.clingendael.org/sites/default/files/2022-12/Report_The_instrumentalization_of_migration.pdf.
- International Crisis Group, "Ukraine and Beyond: Shaping Europe's Security Future," *Europe Report* No. 272, February 1, 2025, 33, www.crisisgroup.org/sites/default/files/2025-02/272-europe-security-future_1.pdf.
- Jones, Seth G., "Russia's Shadow War Against the West," *CSIS Brief*, Center for Strategic and International Studies, March 18, 2025, <https://www.csis.org/analysis/russias-shadow-war-against-west>.
- Kalniete, Sandra, and Tomass Pildegovičs, "Strengthening the EU's Resilience to Hybrid Threats," *European View* 20, no. 1 (2021): 23-33, <https://doi.org/10.1177/17816858211004648>.
- Küle, Maija, "The Age of Will: Introduction Into the Theme," *Ideology and Politics Journal* 1, no. 27 (2025): 4-19, <https://doi.org/10.36169/2227-6068.2025.01.00014>.
- Lee, Scott, Andrew Michta, Peter Jones, and Lisa Bembenick, "NATO 2027: European Leadership Will Be Key to Deterrence Against Russia," MITRE / Atlantic Council, May 15, 2025, 14, <https://www.atlanticcouncil.org/wp-content/uploads/2025/05/NATO-2027-European-leadership-will-be-key-to-deterrence-against-Russia.pdf>.
- Lupovici, Amir, "The Emerging Fourth Wave of Deterrence Theory – Toward a New Research Agenda," *International Studies Quarterly* 54, no. 3 (2010): 705-732, <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2010.00606.x>.

- Marx, Karl, *Achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte* (original text in German), 3. Auflage (Hamburg: O. Meissner, 1885), <https://catalog.hathitrust.org/Record/006032885>.
- Maschmeyer, Lennart, *Subversion: From Covert Operations to Cyber Conflict* (Oxford University Press, 2024), <https://doi.org/10.1093/oso/9780197745854.001.0001>.
- Maynes, Charles, "Independent Study Suggests Russian Support for the War in Ukraine Is Complicated," *NPR Media*, September 24, 2024, <https://www.npr.org/2024/09/24/nx-s1-5123628/independent-study-suggests-russian-support-for-the-war-in-ukraine-is-complicated>.
- Mazarr, Michael J., "Understanding Deterrence," *Expert Insight* PE-295-RC (Santa Monica: RAND, 2018), <https://doi.org/10.7249/PE295>.
- McGlynn, Jade, *Russia's War* (Polity Press, 2023).
- Morgan, Patrick M., *Deterrence Now* (Cambridge University Press, 2003).
- Morgan, Patrick M., *Deterrence: A Conceptual Analysis*, Sage Library of Social Research Vol. 40 (Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1977).
- Mortera-Martínez, Camino, "Is There a Future for the EU's Area of Freedom, Security and Justice? A Plan to Build Back Trusts," *Policy Brief*, Centre for European Reform, January 26, 2022, <https://www.cer.eu/publications/archive/policy-brief/2022/there-future-eus-area-freedom-security-and-justice>.
- Niinistö, Sauli, *Safer Together: Strengthening Europe's Civilian and Military Preparedness and Readiness*, European Commission, October 30, 2024, https://commission.europa.eu/topics/defence/safer-together-path-towards-fully-prepared-union_en.
- Osinga, Frans, and Tim Sweijs, eds., *NL ARMS Netherlands Annual Review of Military Studies 2020: Deterrence in the 21st Century – Insights from Theory and Practice* (The Hague: T.M.C. Asser, 2021), <https://doi.org/10.1007/978-94-6265-419-8>.
- Pabriks, Artis, and Andis Kudors, eds., *The War in Ukraine: Lessons for Europe* (Riga: University of Latvia Press, 2015).
- Palmertz, Björn, Mikael Weissmann, Niklas Nilsson, Johan Engvall, "Building Resilience and Psychological Defence: An analytical framework for countering hybrid threats and foreign influence and interference," Working Paper (Psychological Defence Research Institute, Lund University, 2024).
- Pamment, James, and Elsa Isaksson, "Psychological Defence: Concepts and principles for the 2020s," *MPF Report Series 6* (Psychological Defence Research Institute, Lund University, 2024), <https://mpf.se/psychological-defence-agency/publications>.
- Paul, Thazha V., "Complex Deterrence: An Introduction," in *Complex Deterrence: Strategy in the Global Age*, ed. Thazha V. Paul, Patrick M. Morgan, and James J.

Wirtz (Chicago: University of Chicago Press, 2009), <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226650043.001.0001>.

Petraeus, David, and Andrew Roberts, *Conflict: The Evolution of Warfare from 1945 to Ukraine* (London: Harper Collins Publishers, 2023).

Praks, Henrik, "Russia's Hybrid Threat Tactics against the Baltic Sea Region: From Disinformation to Sabotage," *Hybrid CoE Working Paper* 32, May 2024, <https://www.hybridcoe.fi/publications/hybrid-coe-working-paper-32-russias-hybrid-threat-tactics-against-the-baltic-sea-region-from-disinformation-to-sabotage/>.

Radin, Andrew, Alyssa Demus, and Krystyna Marcinek, "Understanding Russian Subversion: Patterns, Threats, and Responses," *Expert Insights*, RAND, February 18, 2020, <https://doi.org/10.7249/PE331>.

Rasche, Lucas, "The Instrumentalisation of Migration: How Should the EU Respond?" Policy Paper, Herti School, Jacques Delors Centre, December 16, 2022, <https://www.delorscentre.eu/en/publications/the-instrumentalisation-of-migration>.

Raufoglu, Alex, "'Swap Mush for Steel' – Lithuania Urges NATO to End Era of 'Self-Deterrence' Against Russia," interview with Lithuania's Foreign Minister Kęstutis Budrys, *Kyiv Post*, November 11, 2025, <https://www.kyivpost.com/post/63992>.

Reczkowski, Robert, and Andrzej Lis, "Cognitive Warfare: What Is Our Actual Knowledge and How to Build State Resilience?" *Security Theory and Practice* 3 (XLVIII) (2022): 51-61, <https://doi.org/10.48269/2451-0718-btip-2022-3-003>.

Reznikova, Olga, and Oleksandr Korniiievskyi, "Resilience of the Ukrainian Society in Wartime: Components and Influencing Factors," *Eastern Journal of European Studies* 15, no. 1 (2024): 113-133, <https://doi.org/10.47743/ejes-2024-0105>.

RFE / RL (USAGM), "Without Morals, but with Spirituality: How the Russian Government Is Eroding People's Moral Compass," *Current Time*, July 23, 2025, <https://www.currenttime.tv/a/bez-morali-no-s-duhovnymi-tsennostyami-kak-vlast-v-rossii-lishaet-nravstvennye-orientiry-lyudey/33481051.html>. – in Russian

Roberts, Peter, and Andrew Hardie, "The Validity of Deterrence in the Twenty-First Century," Occasional Paper, Royal United Services Institute, August 2015, https://static.rusi.org/201508_op_the_validity_of_deterrence.pdf.

Salonius-Pasternak, Charly, "Finland's Ambiguous Deterrence: Mixing Deterrence by Denial with Ambiguous Extended Deterrence," in *Deterring Russia in Europe: Defence Strategies for Neighbouring States*, ed. Nora Vanaga, Toms Rostoks (Routledge, 2018): 110-127.

Snegovaya, Maria, "The Reluctant Consensus: War and Russia's Public Opinion," Atlantic Council, December 17, 2024, <https://www.atlanticcouncil.org/content-series/russia-tomorrow/reliant-consensus-war-and-russias-public-opinion/>.

- Sperling, James, "The European Union and the Grand Security Strategy for Post-Westphalian Governance," in *EU Security Strategies: Extending the EU System of Security Governance*, ed. Spyros Economides and James Sperling (London: Routledge, 2017), <https://doi.org/10.4324/9781315455297>.
- Statista, "Russia: Opinion on Military Actions in Ukraine Monthly 2022–2025," June 7, 2025, <https://www.statista.com/statistics/1306904/russia-public-opinion-on-military-action-in-ukraine/>.
- Sweijts, Tim, Samuel Zilincik, Frank Bekkers, and Rick Meessen, "A Framework for Cross-Domain Strategies Against Hybrid Threats," The Hague Centre for Strategic Studies, January 12, 2021, <https://hcass.nl/report/a-framework-for-cross-domain-strategies-against-hybrid-threats/>.
- Teitelbaum, Michael S., "Immigration, Refugees, and Foreign Policy," *International Organization* 38, no. 3 (1984): 429-450, <https://doi.org/10.1017/S0020818300026801>.
- Vachudova, Milada Anna, and Nadiia Koval, "Ukraine's Challenge to Europe: The EU as an Ethical and Powerful Geopolitical Actor," *Ethics & International Affairs* 38, no. 3 (2024): 308-332, <https://doi.org/10.1017/S0892679424000364>.
- Van Ham, Peter, *European Integration and the Postmodern Condition: Governance, Democracy, Identity* (London: Routledge, 2001), 15.
- von der Leyen, Ursula, "Europe's Choice: Political Guidelines for the Next European Commission 2024–2029," European Commission, July 18, 2024, Strasbourg, 15, https://commission.europa.eu/document/download/e6cd4328-673c-4e7a-8683-f63ffb2cf648_en.
- Vuori, Juha A., "Deterring Things With Words: Deterrence as a Speech Act," *New Perspectives* 24, no. 2 (2016): 23-50, <https://doi.org/10.1177/2336825X1602400203>.
- Weiner, Myron, "Bad Neighbors, Bad Neighborhoods: An Inquiry into the Causes of Refugee Flows," *International Security* 21, no. 1 (1996): 5-42, <https://doi.org/10.2307/2539107>.
- Wigell, Mikael, Harri Mikkola, and Tapio Juntunen, "Best Practices in the Whole-of-Society Approach in Countering Hybrid Threats," European Parliament, May 6, 2021, [www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EXPO_STU\(2021\)653632](http://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EXPO_STU(2021)653632).